

Сергей Петрович вернулся в родную деревню, когда ему стало тридцать пять... Поехал после десятилетки поступать в Рязанское военно-воздушное училище – да и пропал. Только раз навестил отца с матерью в каникулы после первого курса и не был больше дома – целых семнадцать лет. О себе писал в редких коротких письмах – мол, жив и здоров. Кланялся всем домашним. А потом и писать перестал, только ежемесячными денежными переводами давал о себе знать.

Вот стоит он, опираясь на трость, крупный высокий мужчина с волевым, жестким взглядом. На нем военная форма с майорскими погонами, рядом – большой чемодан. Стоит на пригорке и внимательно, с внутренним трепетом, оглядывает родные места. Ничего не изменилось, все по-прежнему – и речка, и виднеющаяся сквозь поредевший осенний березняк его родная деревня. Пунчерсола... Смотрит Сергей Петрович и чувствует, как растет в нем чувство вины. Мыслимо ли так надолго оставлять свою родину? Она без него осиротела, и он без нее, как сиротский сын.

По сухой осенней погоде хорошо видна убегающая вдаль тропинка. Сзади послышались шаги, Сергея Петровича обогнал мальчонка лет десяти. Он во все глаза смотрел на незнакомого дяденьку и еще долго потом оглядывался на него. Конечно, мальчик не мог знать его. Сергей Петрович внимательно вглядывался в детское лицо, прикидывая в уме, чей это мог быть сын. Вот так же он искал знакомые лица и на вокзале в райцентре, и среди попутчиков в автобусе. Как ни разглядывал, никого не узнал. И его никто не признал, не подошел, не спросил: «Ты не сын ли Шонго Петьра из Пунчерсолы?»

Когда мальчик скрылся в березняке, Сергей Петрович взял чемодан и, сильно опираясь на трость, пошел по тропинке. Чем ближе подходил к деревне, тем труднее становилось у него на душе. Вдали от родных мест об этом как-то не думалось, но сейчас чувство вины переполняло его. Ведь здесь жили родные мать с отцом, здесь все говорили на родном ему языке...

Сергей с детства рос человеком незлобивым. Был тихим, не стремился дать сдачи обидчику. Бывало, что ему, худому и высокому доставалось от более шустрых сверстников. Как-то раз трое одноклассников сильно намяли бока и изваляли в снегу, порвали единственную праздничную рубашку. Ответить им он тогда не смог, но слабость свою осознал и выводы для себя сделал. Именно с тех пор пристрастился к спорту. К девятому-десятому классу в школе не было ему равных ни в лыжной гонке, ни в беге. Участвовал и в районных соревнованиях – легко выигрывал. Больше молчуна никто не задирал. Но близкой дружбы он так и ни с кем не свел. Одноклассники посчитали, что мнит о себе много, и махнули на него рукой.

После десятого класса, сказав родителям, что едет учиться в Йошкар-Олу, махнул в Рязань, поступать в военное училище. Правду открыл уже после того, как узнал о зачислении в училище. А потом пропал из родных мест – на целых семнадцать лет. Вот идет он по тропинке к своему дому, чувства переполняют душу, сердце колотится в груди. Припомнились детские годы, но не смог найти в воспоминаниях хоть что-нибудь веселое, согревающее душу. Перед глазами только мать, отец, братья и сестра. Какими они стали...

* * *

В деревню он вошел через полевые ворота и направился к родному дому. Не сразу узнал его. На месте старого деревянного дома поднялся добротный дом из красного кирпича. Три окна смотрят на улицу, палисадник выкрашен в зеленый цвет. А рядом перестроенный под клеть старый дом. Вспомнилось каждое бревнышко. За огородом, с левой стороны вырос еще один дом, двухэтажный, как потом оказалось, дом старшего брата.

Окинув долгим взглядом пустую улицу, он направился к дому, но как-то замешкался, растерялся, не зная с какой стороны войти. Потом за палисадником увидел багажник автомобиля, пошел в ту сторону. Толкнул дверь в крепких, разрисованных по деревенской моде воротах. Во дворе увидел мать. Она шла от бани к дому, шаркая глубокими галошами. «Мама-авай! Господи, как же она постарела!» – сжалось его сердце.

Мать обернулась на скрип дверей, остановилась и стала подслеповато всматриваться в вошедшего. Не признала. У Сергея Петровича к горлу подступил комок – не вздохнуть.

– Тебе кого? Сын пахать уехал. Дома только мы с дедом, – объяснила старушка.

– Мама, это я, Сергей...

Мать вздрогнула, выронила из рук миску, и боясь поверить, сделала несколько шагов ему навстречу.

– Сынок!.. – как-то испуганно вскрикнула она, сделала несколько неуверенных шагов, разрыдалась и припала к сыну.

* * *

В последний приезд, когда Сергей курсантом приезжал на каникулы, его было не узнать: высокий, сильный, как дуб, кулаки – кувалды. Казалось, одним ударом дерево повалить сможет. Старшие братья заметно выделялись силой и ростом среди деревенских парней. А Сергей и их перегнал. Все лето, не зная усталости, помогал по хозяйству, с раннего утра, в любую погоду. Заходили одноклассники, приносили выпивку. Выпьют, разговорятся... А Сергей все больше молчал, коротко отвечал на вопросы. Потом гостям казалось, что выпивки мало, шли искать добавки. Сергей же не пил вовсе, и в такие компании его не звали. Не ходил он и в клуб, в соседнюю деревню. Все время проводил дома.

В конце лета без лишнего шума уехал. На семнадцать лет. После училища курс, на котором учился Сергей, направили в Афганистан.

Семь лет вдыхал афганскую пыль. Три раза был ранен. Последнее ранение оказалось серьезным. Год пролежал в госпиталях. После выписки думал съездить на родину. Но встала на его пути девушка по имени Ирина. Всей душой полюбил ее. Женится. До сих пор не ведала душа его столь нежных чувств. Сам себя забыл. Через некоторое время опять Афганистан. Оттуда выходил вместе с советскими войсками. Встретился с любимой женой. Вскоре они стали ждать прибавления в семействе.

Проходить дальнейшую службу его, как специалиста, оставили на афганской границе. Хотя советские войска и покинули страну, но ухо с беспокойными соседями надо было держать востро. Там же, на границе, произошла та роковая история, которая перевернула всю жизнь Сергея. Однажды в его часть прилетели эксперты. Вместе с ними была и его Ирина. Только успел он устроить жену в отведенной для гостей комнате в казарме, как начался обстрел со стороны Афганистана. Первый же снаряд попался в казарму. Потом еще взрывы, еще... Сергей кинулся к казарме. Очередной взрыв опрокинул его на землю. Не почувствовал тогда ни боли, ни того, что осколок перебил ногу – полз к казарме. К своей единственной любви, к своей суженой...

Так Сергей Павлович остался один. Подлечившись в госпитале, по привыкнув к протезам, навестил могилу жены. Потом съездил к Ирине на родину, к ее осиротевшей матери. Только потом собрался к себе домой.

* * *

Время летит быстро. Пришла зима. Сергею Петровичу спешить некуда. Просыпается по-уставному рано, делает зарядку. Без дела не сидит, всегда найдет чем заняться. Не раз приходили из школы, просили рассказать о войне. Отказывался.

В конце зимы задумал построить дом, начал завозить красный кирпич.

Все лето трудился дено и ночью. И братья ему помогали, и соседи. К концу лета дом был готов. Ладный, красивый домик. В марийских деревнях таких не строят. На новоселье позвал чуть ли не всю деревню. Постепенно обзавелся мебелью. Родные стали поговаривать о хозяйке в новом доме: «Не одному же век куковать». Но однажды он исчез из деревни. Вернулся только в конце зимы. На вопрос «Что с тобой?» отвечал коротко: «Старая рана открылась».

До следующей зимы Сергей Петрович еще дважды лежал в больнице. Сильно похудел, стал совсем молчаливым.

Однажды вечером пригласил брата. Сели за стол, выпили по стопке, по другой... Разговор не клеился. Сергей Петрович налил себе стакан водки: «Никак не берет меня», помолчал и начал свой рассказ.

– Вот что, брат... надо поговорить... Ты старше меня. Больше никого беспокоить не хочу. Ты постарайся меня понять.

Дальше разговор пошел легче.

– После того, как уехал из деревни, военную форму не снимал. После училища только и делал, что воевал. В армии, сам знаешь, приказы не обсуждают, что прикажут, то и делаешь. Молодые были, горячие, хотели быть героями, рвались в бой, в Афганистан. О карьере никогда не думал. Знаешь, сколько оттуда вышло начальниками. А я старался быть среди солдат, вместе ходили в атаку, вместе ели-спали под открытым небом, не раз спасал людей – так и остался я Ванькой-взводным. И – не каюсь. Я был неплохим взводным...

...Не идет у меня из головы один бой. Попали мы в один афганский кишлак. Бой затих под вечер. Вокруг ни души. А пулю и в грудь, и в спину ждуть можно. Идем по улице, оглядываемся. Вдруг какая-то тень за спиной мелькнула. Повернулся и дал я очередь. Наугад. Из-за угла дома выпало тело. Подошел, смотрю – беременная женщина. Не

знаю сколько я душманов перебил... Там все стреляют. Может, ты попал, может, другой. Но знаю, что эту женщину жизни лишил – я. Точно знаю. Спать потом не мог – снилась она долго, живая, молчащая. А потом... Каждый день тревоги... бои... Сколько наших бойцов полегло на чужой земле!.. Господи! У одного ног нет, у другого – рук, у третьего голова на полоске кожи держится, вот-вот оторвется. С ума сойти от всего этого. Наши тоже платили смертью за смерть. Иногда – не удержать было. И я стрелял. Многих душманов жизни лишил... И сам, наверное, тогда еще умер. Потом без жены остался – единственной своей любви. Ребенка нерожденного лишился. Скоро сам к ней, к ним пойду... Ждут они меня.

– Не говори такое, брат, – хотел перебить его Алексей.

– Да, брат... Думаешь, зря я столько в больнице пролежал? После ранения в голову, там что-то нарушилось. И всё пошло – не так, да так, что и медицина бессильна... Сам знаешь, какая это болезнь – с клешнями... Врачи сказали, мне не больше пары месяцев осталось...

Посидели, молча, выпили. Не брал хмель Сергея Петровича. Спокойным голосом он продолжил:

– Приходит, видно, время держать ответ там – где надо. На этом свете ничего просто так не проходит... Все возвращается на круги своя...

Попросил у брата сигарету, выкурил в несколько затяжек, и не отводя взгляда от одной точки, сказал:

– Там, в спальне, я одежду приготовил. Все гражданское. Пусть военного со мной ничего не будет. Хочу уйти крестьянским сыном... – по судьбе .

Проговорили до полуночи, пока за Алексеем не пришла его жена. По просьбе брата, Алексей о разговоре никому не сказал. Родные беспокоились, видя как день ото дня сохнет Сергей Петрович. Сердце Алексея обливалось кровью, но на расспросы отца с матерью не отвечал, только отводил взгляд.

Однажды Алексей из окна увидел брата, тяжело спускающегося с ведрами к колодцу. Раз принес воды, другой. «Никак баню истопить хочет...» – заподозрил недоброе Алексей и пошел к родителям. Действительно, Сергей Петрович топил баню. «Значит, срок пришел», – понял Алексей. Слезы подступили к глазам, но взял себя в руки и, молча, стал помогать брату. Мыться пошли вдвоем. Алексей долго, не спеша, мыл младшего брата. Потом усталого привел в дом отца.

– Как исхудал, сынок! Болеешь ведь... Скажи хоть... – заплакала мать, увидев по пояс голого сына. Проворно поправила подушку на диване, помогла ему удобней лечь.

Сергей Петрович не стал долго разлеживаться. Когда позвали пить чай, поднялся, не спеша оделся и сел за стол. От предложенных отцом ста грамм отказался, сделав пару глотков чаю, засобиравшись к себе. Алексей вызвался проводить – отказался. На пороге Сергей Петрович обернулся. Все смотрели на него. И он внимательно оглядел родные лица. Задержался взглядом на лице брата и тихо сказал:

– Прощайте.

Ночью Сергей Петрович ушёл из жизни... – достойно, как смертельно раненный, но не сдавшийся офицер, окружённый превосходящими силами противника.

В последний путь его провожала вся деревня – рвали душу поминальные марийские песенные плачи... Много пришло людей и из соседних деревень. Из райцентра приехали военные. Дали салют на могиле.

Когда люди разошлись, у свежего холмика остались самые близкие. «Все возвращается на круги своя...» – вспомнил Алексей слова брата.

Перевод с марийского Анатолия Спиридонова